

Т.И. Радомская
(Институт мировой литературы РАН,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

К вопросу о непрочитанных смыслах «Шинели». Проблемы герменевтики текста*

Abstract:

Radomskaya T. *On the senses unread in «The Overcoat»: Problems of the text hermeneutics.*

In this paper, the author presents a fragment of her lecture-course under the title «The Spiritual Foundations of national Russian literature: word, image, poetics» held at the State Academy of Slavic Culture. The author expresses sincere gratitude to Fr. Sergius Makhonin for his approaches to spiritual hermeneutics of the Russian literature.

Ключевые слова: Гоголь, «Шинель», герменевтика текста, Светлый гость, холод, пустота, пустырь.

Символичность образов. Значение имени и фамилии героя. Конфликт.

Работа над этой повестью заняла у Гоголя длительное время, в течение 1839–1840 гг. он неоднократно к ней возвращался, только в 1841 г. «Шинель» была завершена.

Если в «Медном всаднике» показан герой бедный, но «благородный» (что означает в переводе с греческого языка его имя Евгений), герой, происходящий из старинного, но обедневшего рода, то Гоголь изображает судьбу просто бедного титулярного советника в столице «отеческой державы» – Петербурге.

Художественный мир Гоголя обладает особым качеством – символичностью. Поэтому рассказ о жизни и смерти Акакия Акакиевича Башмачкина помимо реального плана изображения и реального смысла имеет смысл скрытый за этой реальностью. Нам важно не только понять и тот, и другой спектр значений, но и увидеть их взаимосвязь.

В начале повести Гоголь описывает происхождение Акакия Акакиевича Башмачкина, его родителей, что характерно для жанра житий святых. Тем самым автор как бы напоминает читателю и своему герою – бедному

* Автор работы выражает сердечную благодарность прот. Сергию Махонину за подходы к духовной герменевтике отечественной литературы.

титularному советнику – о той высокой системе координат, которая должна определять жизнь каждого человека.

К чему был призван Акакий Акакиевич и как его духовное назначение им исполнено? Такие вопросы – человеческого призвания и его исполнения – характерны для жанров житийной литературы, и такие же вопросы задает Гоголь в своей повести.

Имя героя – Акакий – имеет здесь, так же, как и в жанрах духовной литературы, важное значение. В переводе с греческого оно означает «незловбивый». Отца героя звали так же – дар незлобия, таким образом, является и даром духовным, и «наследием» родовым. Гоголь подчеркивает: имя, данное Башмачкину, «никак не искали», а что сами собою случились «такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени», но обстоятельства не бывают случайными, они определяются Промыслом Божиим. Таким образом, автор говорит о том, что имя, а с ним и духовный «вектор» души героя, заложенный в его значении, были предопределены не волей человеческой, но волей Божией. Это может означать здесь то, в частности, что Господь каждому при рождении дает свой духовный талант, который человек должен реализовать в своей земной жизни.

Имя героя, указывающее на высокий дар незлобия и смирения, контрастирует с его грубо вещественной фамилией – Башмачкин: «Уже по самому имени видно, что оно когда-то произошло от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего это неизвестно».

Незлобие, смирение и башмак. Странное, нелепое сочетание высокого и грубовещественного. Сочетание, которое указывает на конфликт между духовным, и материальным в человеческой жизни, конфликт между живой человеческой душой и мертвой вещью, наконец, конфликт между жизнью и смертью.

Развитие конфликта

Реализация духовного дара души в земной реальности – такое требование предъявляет Гоголь к своему герою, так как глубоко убежден, что для этого человеку дается от Господа жизнь.

Как же распорядился ею Акакий Акакиевич?

Незлобие и смирение являются бесценными дарами, способными изменить жестокие сердца и оживить их для жизни.

В повести есть эпизод, в котором показано, как Акакий Акакиевич своим незлобием изменил сердце одного молодого человека, изменил настолько, что тот не только уже никогда в жизни больше не смеялся над «маленькими людьми», но и вообще оставил пустой круг общения, «и с тех пор все как будто переменялось перед ним».

«Что-то странное заключалось в словах и в голосе...», «какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей».

«Странное», «неестественное» в этом контексте означает духовную силу, не понятную земному восприятию. Оказывается, эта сила была дана бессильному и униженному Акакию Акакиевичу, и эта сила – плод его незлобия и смирения. Она пробудила сердце молодого человека к любви и состраданию, не позволила ему омертветь душой в «тине житейских мелочей», что, большей частью, как раз и происходит с героями Гоголя.

Но сумел ли Акакий Акакиевич развить этот дар, данный ему от Бога?

Переписывание бумаг – не просто служебное занятие Акакия Акакиевича, но его любимое дело, которому герой отдает свою душу.

Чему отдает себя Акакий Акакиевич? Что означает его занятие – переписывание бумаг?

В статье «Русский помещик» Гоголь писал: «Народ наш не глуп, что бежит (...) от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничества»¹.

Отношение Гоголя к «бумагам» здесь очевидно. Их переписывание в повести «Шинель» символизирует занятие Акакия Акакиевича мертвенным, неживым делом. Обратите внимание на то, что герой даже не составляет бумаги, а только переписывает их.

Мир мертвенный окружает человека и подчиняет себе.

Гоголь показывает мертвенность жизни в разных проявлениях. Это и род занятий Акакия Акакиевича, и люди, окружающие его. Их объединяет общая черта – отсутствие не только любви, но просто живого, сострадательного движения души по отношению к другому человеку. Холодный, мертвый мир сердец, подобных по своему состоянию «окамененному нечувствию», как оно определяется в духовной православной традиции. Жизнь таких людей состоит из внешних мелочей жизни, на которую растрачивается душа.

В статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1834) Гоголь пишет: «Век наш так мелок, желанья так разбросаны по всему (...) что мы поневоле раздробляем все произведения на мелочи и на прелестные игрушки»².

Жизнь Акакия Акакиевича, занятия чиновников воображаются через ряд мелких, не связанных между собой, «дробящихся» подробностей. В «Мертвых душах» мир деталей, частных составит «разнообразную кучу», из-за которой не видно человеческого образа.

Для «Шинели» такой способ изображения, отражающий ненормальное, лишенное целостности и духовной основы человеческое существование, также характерен.

Стремление к высокому здесь заменилось на стремление к шинели, оно наполняет жизнь Акакия Акакиевича смыслом. Переписывание бумаг и желание приобрести шинель – к этому сводится жизнь героя. Мечта о шинели становится его заветной целью, которой он служит так, как человек должен служить Господу.

Образ шинели

Образ шинели в повести имеет также свою символику. Во-первых, он обозначает мир вещественный, которому служит Акакий Акакиевич так самоотверженно, как он должен был своими дарованиями служить Богу. С момента появления у героя мечты о шинели, он меняется духовно. «Он сделался как-то живее, даже тверже характером... *Огонь* порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: *не положить ли, точно, куницу на воротник?»* (курсив – Т. Р.). Это описание внутреннего мира Акакия Акакиевича строится на иронии. Она возникает из комического противоречия между тем высоким, что заложено в душе героя, и тем, на что направлены его усилия. Жизнь, огонь, целеустремленность, твердость характера – все вдруг разом проснулось в Акакии Акакиевиче. Но из-за чего? Из-за шинели, о которой он мечтает.

Образ шинели имеет и еще один спектр значений. Это одежда, которая должна укрыть героя от ветра, холода. Это то, что должно дать тепло, которого нет в холодном мертвом мире города Петербурга. Мечта о шинели заменяет для Акакия Акакиевича мечту о тепле и доме, и сама шинель для него становится символом названных ценностей. Очевидно, что это – иллюзия, обман, которому герой верит, и поэтому прикладывает все силы для реализации своей мечты. Мертвенный мир «подсовывает» человеку свои обманы и миражи: вместо истинного дома и тепла – шинель, претендующую стать для героя и домом, и теплом. Ведь мечты Акакия Акакиевича о шинели, как мы видим, становятся мечтами об обретении тепла, которого нет в мире и которое незлобивая душа героя стремится обрести.

«Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

Мир не только обманывает, но, насытившись обманом, отбирает у героя его иллюзию. И в этот момент он предстает в своей страшной наготе, без прикрас и в том истинном виде, в котором он есть. Вот как сам автор описывает место, в котором с несчастного Акакия Акакиевича сорвали шинель: «Скоро потянулись перед ним *пустынные улицы*, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже – масла, как видно, уже меньше отпущалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только

один снег по улицам да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перережевалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне ее домами, которая глядела *страшною пустынею*.

Вдали, Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею *на краю света...* Он (Акакий Акакиевич – *Т.Р.*) вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: *точное море вокруг него...*» – (Курсив – *Т. Р.*).

Пространство города, его дома, улицы на наших глазах вдруг превращаются в безлюдную пустыню, бесконечную, подобную морю. Образ моря здесь может ассоциироваться с образом «житейского моря», связанного с духовными жанрами. Ср. например: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве» (ирмос песни 6 Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу).

«Житейское море» не может преодолеть Акакий Акакиевич и не может обрести в нем «тихое пристанище» – свой дом земной и Дом Небесный, так как его жизнь вместо служения Отцу Небесному превратилась в служение тленному, вещественному – бумагам и шинели. Гоголь показывает, как человек в «житейском море» потопляется миром материальным, мертвым. Значение фамилии «Башмачкин» своей вещественностью, как башмаком, «раздавила» значение имени героя. Мир мертвенный «наступил» на образ Божий в человеке и исказил его так, что теперь дом и любовь у него способна заменить собой шинель.

После того, как шинель сорвана, миру обмана больше не надо обманывать уже им же обманутого и потонувшего в «тине житейских мелочей» маленького чиновника. Поэтому он (этот мир) уже предстоит без прикрас, в своем истинном обличи. В вышеприводимом отрывке Гоголь рисует *духовный пейзаж Петербурга, столицы Российской империи, не ставшей отчим домом своему подданному*.

Безлюдная, темная пустыня объяла Акакия Акакиевича. Когда он пришел в себя, «он чувствовал, что в поле *холодно* и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади». (Курсив – *Т. Р.*)

Холод, темнота, пустыня. Эти образы, несомненно, имеют духовную, символическую природу, они означают мир, живущий не по закону Божьих заповедей, закону тепла, жизни, любви, а по закону мертвенности, смерти, греха. Холод, темнота, пустыня – это могила, в которую при жизни загоняет себя живой человек. В духовной прозе Гоголя – «Светлом Воскресении», последней главе из «Выбранных мест из переписки с друзьями», появляются образы, близкие образам в повести «Шинель»: «И непонятной тоской уже

загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигающая с каждым днем неизмеримейшего роста. Всё глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

Так, предметная детализация «Шинели», передающая обилие мелочей жизни, в которых «захлебывается» человек, сменяется образами, имеющими непосредственное отношение к жанрам духовной литературы, и, в частности, к духовной прозе Гоголя.

Слово – особый жанр проповеди в духовной литературе, и его элементы также появляются в повести «Шинель». Так, когда автор подводит итог жизни человека, не сумевшего реализовать свой дар незлобия в холодном и злобном мире, он произносит надгробное слово об этой ушедшей жизни.

«Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное... но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул *светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь...*» (Курсив – Т.Р.)

В надгробном слове Гоголя на могиле своего героя нет ни тени его осуждения. Здесь присутствует сострадание и вера в то, что Господь в виде «светлого гостя» осветил своим светом эту неудавшуюся, нереализованную жизнь, разменявшуюся на житейские мелочи. Акакий Акакиевич Башмачкин – обманутый, незлобивый человек, не сумевший своим незлобием изменить холодный мир, но не озлобившийся при этом на него. Может быть, поэтому автору видится отблеск Света Небесного («светлого гостя в виде шинели») в его земной бездомной жизни, лишенной «тихого пристанища», тепла и защиты, вместо которых герой наивно поверил в силу суконной шинели.

Образ Петербурга

Рассказ о жизни и смерти Акакия Акакиевича Башмачкина при всей его духовной многозначности и глубине предельно конкретен и реален.

Именно в существующей реальности и через существующую реальность Гоголь прозревает вечный духовный смысл, скрытый за ней, но при этом неразрывно с ней (этой реальностью) связанный.

Как же?

«Вечный титулярный советник» Акакий Акакиевич Башмачкин.

Какое удивительное в этом определении соединение социального, преходящего конкретного смысла (чин) и вечного. Почему? Потому что через вечное Гоголь постигает значение конкретной исторической реальности, раскрывает ее читателю и, таким образом, история России, история отдельной человеческой жизни мелкого чиновника 1830-х гг. в городе Петербурге

осмысляются им и социально, и духовно. Точнее, *в истории России и в истории частной человеческой жизни Гоголь выявляет вечное духовное содержание.*

Не случайно, что действие не только этой повести, но и повестей, которые сам Гоголь объединил в особый цикл, происходит большей частью в Петербурге. Условно говоря, они составляют «петербургский цикл».

Как вы помните, осмысление Петербурга как символа русской государственности и нового уклада жизни происходит в поэме «Медный всадник».

Гоголь развивает пушкинскую тему, но, в отличие от своего предшественника, показывает жизнь не потомка славной фамилии, а просто «маленького человека».

Мир Петербурга изображается Гоголем через образы городских жителей, погоды и пейзажа города.

Суровый северный мороз, порывистый ветер пустырей и улиц соответствует жестоким, холодным отношениям, царящим здесь между людьми. Отсутствие человеческого тепла раскрывается через городской пейзаж.

Отношения людей в Петербурге определяются, в частности, и табелью о рангах, принятой при Петре I в 1722 г. Теперь душа человека «пришпилена» мертвенной бумагой, и никуда не вырваться из этого определения «вечному титулярному советнику» Башмачкину. В городе, основанном Петром I, царит мертвенный дух. Не случайно Пушкин делает символом Петербурга образ неживого Медного всадника.

Дом, город, в основе которых ложится не твердое духовное основание, заповеданное традицией предков, подвержен разрушению, что тонко и глубоко было воплощено Пушкиным в поэме «Медный всадник».

Гоголь, развивая эту мысль поэта, показывает, как в «новом», «петровском» укладе и «граде Петровом» разрушается и физическая, и духовная жизнь человека, его «внутреннее» и «внешнее» хозяйство.

Бумага, а не живая человеческая душа строит отношения между людьми. «Бумага» (будь то табель о рангах, или какой-либо циркуляр) в художественном мире Гоголя отражает характерные тенденции социальной реальности, которые осмысляются писателем духовно.

И Пушкин, и Гоголь ощущали, что секуляризация национального уклада жизни, связанная, в частности, и с реформами Петра I, и есть то не твердое основание, на котором воздвигается новый государственный дом. Социальная сфера человеческой деятельности так же, как и культурная, начинает развиваться изолированно от православной традиции. Но без Бога нет дыхания жизни, поэтому рано или поздно твердь человеческого построения будет разрушена «житейским морем», что символически показывает Пушкин в «Медном всаднике».

У Гоголя образом-символом «петербургского периода» русской истории становится образ бумаги.

Управление городом, страной, забывшее о душе человека (а значит, и нарушающее Божии заповеди), теряет свою силу, потому что управляет не человеком, а чином. Живая человеческая жизнь не учитывается табелью о рангах и бумажными циркулярами. Чем больше она не учитывается, а следовательно, и не управляется, *тем больше появляется бумага*, долженствующих урегулировать и упредить отношения в государстве.

Жизнь общества, построенная не на духовном основании, особенно нуждается в системе ограничений. Чем более безнравственна становится такая жизнь, тем больше управленческих и регулирующих ее законов и «бумаг» она требует. Поэтому мир бумажной жизни становится неотъемлемой чертой художественного пространства Гоголя. В городе Петербурге жизнь строится так, что мир ложных, мертвенных, «бумажных» ценностей определяет «внутреннее» и «внешнее» хозяйство города и отдельного человека – Акакия Акакиевича Башмачкина.

«Житейское море» ложных ценностей окружает героев Гоголя, и они умирают (Акакий Акакиевич) или сходят с ума (чиновник Поприщин из «Записок сумасшедшего»).

В «Шинели» Гоголь изображает духовный пейзаж Петербурга и того нового уклада жизни, который развивается в этом городе. Пустырь, лишенный света, жизни, обступающий человека со всех сторон, как море. Вокруг ни души. Смысл этой картины позже раскрывается в восклицании Гоголя: «Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

В «Медном всаднике» Пушкин создает аналогичный образ-символ своего времени: Евгений – а «вкруг него / Вода и больше ничего!» И «вечный титулярный советник» Акакий Акакиевич Башмачкин, и потомок старинного дворянского рода Евгений в своей отеческой державе, развивающейся не по отеческим законам, лишаются надежной духовной, а следовательно, и социальной защиты, твердого основания жизни. А без этого – разрушается все.

Поэтому Пушкин и показывает, как в процессе этого разрушения «храм» души Евгения распадается, и он сходит с ума.

Акакий Акакиевич умирает. Еще один герой петербургской повести Гоголя чиновник Поприщин сходит с ума, так как по «бумажной» табели о рангах ему не положено любить дочь своего начальника, а душа протестует против мира «бумаги». В этом протесте состав человека раздваивается, так как он начинает жить в выдуманном мире, а такое раздвоение есть начало душевной болезни. Потеряли себя, свою душевную целостность Евгений и Поприщин, духовно деформирован мир Акакия Акакиевича.

В конце повести «Записки сумасшедшего» есть слова больного Поприщина:

«Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! <...> вон и *русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали?* Мать ли моя сидит перед окном? *Матушка, спаси твоего бедного сына* <...> прижми ко груди своей бедного *сиротку!* Ему нет места на свете! <...> Матушка! Пожалей о своем больном дитятке!..» (курсив –Т.Р.).

«С этого света», построенного не по заповедям Божиим, к себе «домой» рвутся лишенные дома русские люди. Крик Поприщина – это и молитвенный вопль к Божией Матери бедного сына, заблудившего в отечественных просторах.

Подобный крик на пустыре Петербурга мог вырваться и из груди Акакия Акакиевича. Никому не нужный со своим даром незлобия в жестоком мире, Акакий Акакиевич ищет утешения в мире вещей и оказывается жестоко обманут этой действительностью.

Но не Богом. «Светлый гость в виде шинели» не оставил Акакия Акакиевича в его сиротском блуждании по холодному миру, освободил от иллюзий и забрал к себе «с этого света». Свет «светлого гостя» незримо разлит над страницами повести и определяет ее художественное своеобразие.

Автор и герой

Странное, быть может, даже нелепое сочетание высокого и грубо вещественного определяет образную систему повести «Шинель». Но именно благодаря ему автор указывает на конфликт человеческой души в реальности, бедной теплом, любовью, всем тем, что составляет сущность жизни. Жизнь души в холодном мире – центральная проблема не только «Шинели», но и всего творчества писателя.

Противопоставление живого мертвому, души – вещи отражается и в особенностях поэтики произведения.

Гоголь описывает повседневную жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина и других чиновников, жизнь, распавшуюся на ненужные пустые мелочи. Ряд мелких, не связанных между собой, «дробящихся» подробностей, рассеивающих человеческую душу и разрушающих ее, – так показана автором жизнь Петербурга. *Предметная детализация образа, описание его через внешний жест, движение* – все это передает суетливый, хаотический в своем суетном движении темп жизни чиновничества.

Внутренняя жизнь человека подчинена внешнему и поэтому передается Гоголем через череду действий героев и предметную детализацию окружающего их мира. Предельная конкретность, «вещественность» описания – характерные приметы художественного мира повести.

Как мы уже отметили, такое построение образа передает особое состояние человека, погруженного только в земное.

И именно такого человека, «раздробившего» свою жизнь на пустые мелочи, писатель поставил перед Вечностью, Богом. Если в «Ревизоре» и «Мертвых душах» герои «не в силах встретиться прямо со Христом» (слова Гоголя о состоянии современного человека), то в «Шинели» эта встреча осуществилась, но не благодаря герою, а благодаря *авторской позиции по отношению к нему*.

Гоголь сумел увидеть в «вечном титулярном советнике», мечтающем лишь о шинели, образ Божий, его живую человеческую душу, затерянную в «житейском море».

Непосредственно о таком прозрении мы узнаем из эпизода с молодым человеком, духовно изменившемся от слов Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Он (эпизод) имел автобиографический характер: когда-то сам Гоголь увидел через кору повседневности Свет Христов, живущий в душе ничем не примечательного человека.

Свой собственный опыт прозрения образа Божьего в другом автор запечатлел в «Шинели», и это придает повести совершенно особое духовное значение, необычность, определившую ее художественное своеобразие.

Благодаря *видению* автора герой обрел свой образ Божий, забытый им самим и не востребованный другими. Именно это и есть встреча человека с Христом, а такое событие требует особого слова о нем. Поэтому в реалистическую «ткань» произведения Гоголь *«вплывает» «нити» духовной прозы*.

Так, рассказывая о самом трагическом событии в жизни Акакия Акакиевича – потере шинели, автор не смеется, хоть здесь, несомненно, возникает комическое противоречие между мелкостью происшедшего и трагичностью восприятия героя. Но в этом смешном случае Гоголь увидел действительную трагедию души, замерзающей в холодной пустыне города без тепла, которое он надеялся получить от суконой шинели.

О высоком и духовном писатель говорит здесь высоко. При этом он использует образы холода, пустыни, пространства, граничившего «с краем света», наделяя их особой, повышенной символичностью и тем самым приближая к образам духовной литературы.

Провожая своего героя в Вечность, автор произносит своеобразное надгробное слово над ним, близкое к духовному жанру проповеди. В нем Гоголь описывает перед читателем не внешний сюжет жизни героя, не исполнившего своего назначения в мире, разменявшего свою жизнь на переписывание бумаг и мечту о шинели. Нет, автор за фактами духовно нереализованной и бессмысленной жизни сумел увидеть другое. *Башмачкин, не обретший сам в себе образ Божий, не понявший своего высокого назначения, не нужный людям, нужен Богу*. Поэтому и в земной жизни его посещает Божья милость, «светлый гость в виде шинели», о чем и рассказывает автор читателю.

Востребованность человеческой души его Создателем, Отцом Небесным – такова тема авторского слова, и она определяет высокую лексику и введение в реалистическую повесть элементов духовного жанра проповеди.

Таким образом, обращение к духовным образам и жанрам в повести «Шинель» естественно вытекает из отношения автора к своему герою. Здесь Гоголь, в отличие от «Ревизора» и «Мертвых душ», борется с грехами человека не смехом и обнажением его пороков, но другим средством. Если в «Ревизоре» и «Мертвых душах» показывается творение, забывшее о своем Творце, то в «Шинели» автор напоминает читателю о милости Творца к своему творению, не познавшему Его. А это рождает и милостивый взгляд автора, увидевшего Свет Истинный в, казалось бы, бессмысленной и беспросветной жизни «вечного титулярного советника».

Слово автору о своем герое *органично* духовному жанру проповеди *по своему отношению* к изображаемому: в этой повести Гоголь хочет рассказать не только о тьме мира, но и о Свете *Христовом, просвещающем мир*.³

В этом смысле «Шинель» близка и к жанру проповеди, слова о милосердии Божиим.

Узрев в своем герое образ Божий, Гоголь приблизил не только его, но и своего читателя к Источнику Света, и его слово *пронзенное милостью*, именно поэтому звучит убедительно. В свое время Пушкин, так повлиявший на Гоголя, в заметках об Александре Радищеве написал: что «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви»⁴.

В повести «Шинель» осуществились слова Пушкина: сострадание и милость дали художнику духовное видение и силу слова о человеке.

Примечания

¹ Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Сипергия, 1995. С. 21.

² Цит по: Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» С. 18.

³ См.: Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС. 2001.

⁴ См.: Пушкин А.С. Александр Радищев Полн. собр. соч.: в 9 т. М.: Academia с. 319.